

Библиография отчетливо свидетельствует о неуклонном росте интереса лингвистов к трудам Трубецкого. Так, в частности, «Основы фонологии» были изданы 7 раз на немецком (1939—1977), 5 раз на французском (1949—1976) и по одному разу на английском (1969), итальянском (1971), испанском (1973), польском (1970), японском (1980) и русском (1960) языках. Вообще чаще издаются и переводятся его фонологические работы. Так, брошюра «Введение в фонологическое описание» (1935), не переводившаяся, впрочем, на русский язык, только на японском языке издавалась трижды (1936, 1964, 1975).

В какой-то мере оба сборника дополняют друг друга (сферу их пересечения составляют лишь восемь статей, воспроизведенных в обоих случаях). Так, в частности, для понимания сущности научной фигуры Трубецкого, его profession de foi, большое значение имеют характеристики, данные им некоторым крупным лингвистам. Редакторы венского издания перечислили опубликованные ученым три некролога: Ватрослава Ягича (1838—1923), с. 191—198 — его предшественника по кафедре славянской филологии в Венском университете, Виктора Поржевинского (1870—1930), с. 262—266 — его наставника по Московскому университету, Эриха Бернекера (1874—1937), с. 316—320 — выдающегося немецкого компаративиста-слависта, ученика Ф. Ф. Фортунатова. В то же время разносторонние материалы московского сборника (равно как и филологическое и нефилологическое наследие Трубецкого, оставшееся за пределами рецензируемых изданий) подчеркивают, что в конечном счете объектом исследований ученого всегда оставался человек в широком спектре проявлений его духовной активности.

Обе рецензируемые книги хорошо изданы. В частности, переводы московского сборника выполнены квалифицированно и, как правило, внимательно отредактированы. Технические погрешности сведены до неизбежного минимума (досадна сохранившаяся на с. 495 опечатка Трубецкого в параллельном обозначении восточ-

нокавказских языков как «лезгино-черкесских»).

Пожалуй, общим недостатком обеих публикаций является отсутствие библиографических данных по литературе о Н. С. Трубецком и о его трудах. Так, в биографических очерках следовало бы, вероятно, упомянуть фундаментальное исследование М. Вьеля [3]. На общем фоне отличающихся своей полнотой библиографий работ ученого в обоих изданиях можно отметить отсутствие в соответствующем списке московского сборника статьи «Ostkaukasische Wörter für „Frau, Weibchen, Gattin“», помещенной В. Дресслером в журнале «Die Sprache» (№ 19, 1 за 1973 г.). Этот сборник вместе с некоторыми предшествовавшими ему другими изданиями серии «Языковеды мира» свидетельствуют, на наш взгляд, о целесообразности продумать единые принципы организации их вспомогательного аппарата (так, едва ли оправданы пространные комментарии — в одном случае почти равные объему публикуемого материала — особенно, когда они отражают субъективную точку зрения комментатора).

В заключение остается подчеркнуть, что выход в свет двух собраний орамина Н. С. Трубецкого составляет значительное событие в лингвистике, отражающее разносторонний и глубокий вклад ученого в нашу науку и констатирующее его приоритет в выдвижении целого ряда идей, плодотворно развиваемых в современном языкознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Реформатский А. А.* Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
2. *Jakobson R.* N. S. Trubetzkoy's letters and notes. The Hague; Paris, 1975.
3. *Viel M.* La notion de «marque» chez Troubetzkoy et Jakobson. Un episode de l'histoire de la pensée structurale. P., 1984.

Журавлев В. К., Климов Г. А.

Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика. Опыт топологической стратификации языковых структур. М.: Наука, 1988. 232 с.

Рецензируемая монография М. М. Маковского является третьей, заключительной частью большого исследования, посвященного диалектике языковых систем. Его первая часть — «Теория лексической аттракции» — вышла в свет в 1971 г., вторая — «Системность и асистемность в языке» — в 1980 г. М. М. Маковский известен своими работами в области общего языкознания, диалектологии, социолингвистики, этимологии, критики и эмендации текста

древних памятников языка. Все эти аспекты лингвистического исследования удачно сочетаются в рецензируемой книге. Она состоит из двух глав (гл. 1 — «Общие проблемы лингвистической комбинаторики», гл. 2 — «Комбинаторные процессы в языке»), а также содержит Примечания, Список сокращений, Литературу, включающую 511 названий, и Анотацию на английском языке.

Согласно дефиниции автора, *лингвистическая комбинаторика* — это отрасль языкознания, изучающая в рамках лингвистического времени качественные и количественные характеристики как языковых континуумов, так и входящих в них языковых элементов с целью определения возможности (нескольких возможностей или невозможности) и результатов различных видов их взаимодействия» (с. 5). Она включает в себя, в частности, анализ совместимости или несовместимости различных конфигураций, или чертжей (комбинаторных схем), как внутри отдельного слова (точечного континуума), так и между отдельными словоформами, входящими в систему. Значительная роль отводится исследованию категорий свободы и необходимости, прерывности и непрерывности, причин и результатов определенной группировки и перегруппировки отдельных элементов и целостных систем, а также их преобразований: пересечения, наложения, слияния, включения в систему или исключения из нее, свертывания, развертывания.

Значение данной дисциплины, с точки зрения автора, определяется тем, что «комбинаторика пронизывает все звенья и ярусы языковой системы, начиная с более мелких единиц (фонетические элементы слова, морфемы, слова и их значения) и кончая наиболее крупными (предложение, сверхфразовое единство, языковые континуумы — лексемные и семантические), причем оба указанных вида комбинаторики взаимодействуют между собой. ... Именно комбинаторика является основным принципом организации всех без исключения языковых единиц, формой их существования, эволюции и взаимодействия (с. 6).

В плане изучения ? комбинаторики М. М. Маковский считает весьма важными такие свойства элементов и систем, как порядок следования, протяженность, иерархия, функциональный статус, а также смежность и несмежность, влияние одних конфигураций, входящих в систему, на другие (например, наложение и снятие запретов), предел определенных отношений, свойств, связей.

Основным объектом рецензируемого исследования служит слово, которое рассматривается в качестве уникальной комбинаторной единицы, образующейся

путем «сцепления» определенного фономорфологического комплекса с одним или несколькими значениями. Соответственно М. М. Маковский обращает особое внимание на природу комбинаторики «формы» и «содержания» в пределах отдельного слова. В этой связи он ставит следующие вопросы: «чем обусловлены те относительные связи, которые неизменно устанавливаются в языке между материальной формой слова и значениями, каковы те факторы, которые могут нарушить или, наоборот, никак не влиять на эти связи?» (с. 65). В поисках ответа автор, опираясь на результаты исследования, формулирует ряд языковых антиномий. Из них для объяснения относительных связей между материальной формой слова и значениями наиболее существенной представляется последняя, ибо в ней преломляется один из основных системных принципов — иерархичность структурной организации: «каждый языковой элемент или значение отражает и повторяет свойства и структуру как более крупной, так и более мелкой по отношению к ним языковой единицы; в свою очередь свойства и структура данного элемента языка отражаются и повторяются в иерархически более мелких и более крупных языковых единицах. Вместе с тем, однако, любой языковой элемент или значение является уникальной комбинацией качественных и количественных показателей, присущих только данной единице или значению» (с. 68). (Этот вывод М. М. Маковского хорошо согласуется и с результатами моих исследований сегментной и суперсегментной организации слова.)

В то же время автор отмечает противоречивость и многообразие видов структурного взаимодействия формы и содержания в слове. С одной стороны, единицы плана выражения и плана содержания обладают определенной, впрочем, весьма относительной, автономностью, вследствие чего они обычно организуются на основе совершенно различных комбинаторных схем, причем «...комбинаторные схемы одного из этих уровней не могут использоваться в сфере другого» (с. 65). Ввиду указанной автономности семантические и фонетические изменения могут протекать как будто независимо друг от друга. «Известно, что при изменении значения материальная оболочка слов обычно не меняется, при изменении материальной оболочки слова (ср. разного рода подвижные формативы, мену гласных и согласных, тмезис и др.) значение не меняется, при одновременном же изменении формы и значения слова происходит его разрыв, образование нескольких новых слов (ср. этимологические дублеты...)» (с. 65—66). Однако незави-

смое, на первый взгляд, изменение либо только звучания, либо только значения — это, согласно М. М. Маковскому, лишь один из видов структурного в а и м о д е й с т в и я формы и содержания, взаимодействия, выражающегося в а п р е т е на изменение формы, если изменяется содержание, и наоборот (с. 36). Высокая частотность и даже «обычность» такого рода запретов, порождающая иллюзию независимости фонетических и семантических изменений, обусловлена необходимостью преемственности и самосохранения языка как средства общения.

С другой стороны, фономорфологические и семантические континуумы в рамках слова «... являются взаимопорождающими, взаимонастраивающими, взаиморегулирующими, взаимомоделирующими, находящимися в отношении дополнительной дистрибуции» (с. 29—30). Само образование слова как комбинаторной единицы состоит в таком сцеплении того или иного фономорфологического спектра с семантическим, при котором они выступают по отношению друг к другу в качестве среды: «форма» слова — это среда для его значения, а значение — среда для его фономорфологической формы. При таком подходе (с моей точки зрения, совершенно правильном) отсутствие « е с т е с т в е н н о й » связи определенного фонетического комплекса с тем или иным значением не может означать отсутствия вообще какой-либо связи между ними. Как показывает М. М. Маковский, значение вл я е т н а фонетический состав слова (налагая определенные ограничения или «запреты» на количество, качество и порядок следования фонетических элементов или, наоборот, снимая такие ограничения), а «форма» слова, фонетический комплекс может оказывать влияние на качественные и количественные характеристики сочетающихся с ним значений. Неслучайно то или иное значение, сочетаемое именно с данным корнем, «ведет себя» иначе, чем при взаимодействии с другим корнем, а словоформа, сочетающаяся с одним значением, «ведет себя» иначе, чем при сочетании с другим значением (с. 10). Точно так же не является случайным тот факт, что одни словоформы могут «пропускать» через себя огромное количество значений, другие же сочетаются со строго определенными значениями; одни значения соотносятся со строго определенными формами, другие же не обнаруживают такой строгости (с. 31, 112—113). Все эти проявления взаимодействия звучания и значения, естественно, заставляют автора усомниться (и совершенно справедливо, на мой взгляд) в правомерности тезиса о произвольности связи между означаемым и означающим.

Поскольку каждое отдельное слово как элемент системы связано определенными отношениями с другими ее элементами, в ней благодаря взаимодействию внутрисловной и межсловной комбинаторики (с. 114) устанавливается известное равновесие словоформ и значений: «... определенное количество словоформ предполагает определенные качественные характеристики значений, которые в них реализуются, а определенное количество значений налагает ограничения на качественные характеристики словоформ, с которыми они сочетаются. Однако в процессе существования языка нарушение количественного баланса на уровне словоформ может привести к глубоким изменениям на уровне семантических связей, а нарушение количественного баланса на семантическом уровне ведет к качественным преобразованиям на уровне словоформ (изменению комбинаторики существующих и возникновению новых словоформ)» (с. 49). На этой основе М. М. Маковский формулирует следующую закономерность: «количество фонетических конфигураций (resp. сред) обратно пропорционально качеству семантических конфигураций (resp. сред), а качество фонетических конфигураций (resp. сред) обратно пропорционально количеству семантических конфигураций (resp. сред)» (с. 49).

Отмеченная автором соотнесенность формально-содержательных характеристик той или иной языковой подсистемы представляется несомненной. Существование такой соотнесенности подтверждается, в частности, анализом акцентных характеристик лексико-семантических категорий слов в русском языке [1]. То обстоятельство, что более близкие в семантическом отношении синонимы чаще имеют различные акцентные характеристики, нежели антонимы, говорит об определенной сбалансированности семантических и фонетических различий. Эти выводы в большей мере совпадают с теми, которые сделаны в рецензируемой книге М. М. Маковского: «нередко близость фонетической стороны языковых единиц сочетается с большей или меньшей удаленностью их значений друг от друга, а семантическая близость нескольких единиц может сочетаться (в большей или меньшей степени) с несходством их фонетической стороны» (с. 115). Аналогичная обратная пропорциональная сбалансированность отмечается в эволюции разных языковых подсистем. Так, по наблюдениям И. А. Бодуэна де Куртэна, в истории польского языка «в произносительно-слуховой, или фонетической, области количественное мышление слабеет; зато в области морфологии — растет и усиливается» [2]. По данным А. К. Ог-

лоблина, степень эволюции новых малайско-яванских языков сравнительно с древнеяванским по фонологическим и морфонологическим признакам обратно пропорциональна степени их грамматической эволюции [3]. Обратное пропорциональные соотношения одних характеристик могут сочетаться с прямо пропорциональными соотношениями других. Например, в русском языке непроизводные слова с простым морфемным строением обладают обычно более развитой семантической парадигмой [4] и более сложной альтернативной и акцентной парадигмой, чем производные высоких ступеней словообразования со сложным морфемным строением [5, 6].

Как видно, и в эволюции языковых систем, и в их синхронном состоянии действует тенденция к некоторому равновесию комбинируемых разноуровневых характеристик. Поэтому, если «представить себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи» [7], то, как указывает М. М. Маковский, «при исследовании языка необходимо учитывать, что в нем тесно переплетаются и по-разному комбинируются несколько различных плоскостей» (с. 48). Изучая изолированно одну какую-либо языковую плоскость (например, только таксономическую) и игнорируя другие, нельзя понять специфику, свойства и признаки каждой из них. При этом следует иметь в виду, что наличие той или иной плоскости языковых явлений (как и определенной языковой категории) вовсе не обязательно связано с представленностью тех или иных показателей (маркеров).

Применительно к слову в языке существует и так называемое комбинаторное словообразование (с. 17—28). Суть его состоит в том, что комбинаторные варианты фономорфологического комплекса, образующиеся путем перестановки и/или чередования фонетических элементов, по отношению друг к другу являются одновременно и семантическими комбинаторными вариантами, представляя в совокупности некое фоносемантическое единство. Это явление, обнаруженное С. С. Майзелем на материале семитских языков [8], развито, как убедительно показал М. М. Маковский, опираясь на основополагающие работы Т. Зибса, Г. Гюнтерта и Ф. Р. Шрёдера, также в п.-е. языках и, по-видимому, представляют собой универсалию. Языковые единицы, образуемые в результате такого словообразования, считаются разными словами и обычно в специальной литературе никак не соотносятся друг с другом¹. Согласно точке зрения автора, основанной на большом фактическом материале, все эти

слова являются результатом комбинаторных преобразований одного и того же фоносемантического комплекса и потому связаны с ним.

Исключительный интерес в этой связи представляет введенное М. М. Маковским разграничение «внутренней» и «внешней» семиотики: под внутренней семиотикой понимаются определенные комбинаторные схемы, действующие в языке и дающие определенные внутренние сигналы, которые предопределяют возможности строго определенного движения (гесп. невозможности движения) и реактивности того или иного отрезка языкового пространства (языковые гены). Внешняя семиотика — это реальное использование языка как знаковой системы в целях коммуникации.

Существование комбинаторного словообразования приводит автора к заключению о том, что в компаративистике при установлении тождества слов в близкой и неблизкородственных языках следует учитывать не только фонетические, но и семантические соответствия, которые могут быть не менее строгими, чем фонетические. Об этом свидетельствуют приведенные в работе семантические спектры, образуемые значениями, которые соотносятся с семантическим элементом «гнуть» и с семантическим элементом «бить» и «резать», «колоть» (с. 36—39). Поскольку «связь и есть переходы» [11], указанные соответствия значений — это не искусственные построения, основанные на произвольных ассоциациях исследователя, «...а установленные на базе строгой эмпирии реалии, выявляемые в процессе сравнительно-исторического анализа семантических преобразований в индоевропейских языках» (с. 39). По мысли автора, «необходимо учитывать, что звуковые законы в значительной мере несут атомистический характер: они не принимают во внимание то обстоятельство, что статус каждого фономорфологического сегмента следует рассматривать только в пределах фономорфологического комплекса (слова), в котором он занимает определенную функциональную позицию, обусловленную не только совокупностью остальных фонетических элементов, входящих в данный комплекс, но и значением» (с. 45). Значительное место отведено в книге

¹ Данные положения М. М. Маковского развивают и уточняют сходные высказывания А. С. Мельничука (в рецензируемой книге имеются ссылки на соответствующие работы). Жаль, однако, что в монографии М. М. Маковского отсутствует ссылка на весьма важную в этом отношении книгу А. С. Мельничука [9], а также на работу Х. Карстина [10].

и исследованию комбинаторных процессов в языке. Рассматриваются следующие процессы: замещения, взаимодействия (реакции) нескольких материальных и смысловых элементов, перестановки (перемещения) и, наконец, определенные изменения последовательности слов и значений. Кроме того, подробно анализируются процессы дезинтеграции и интеграции.

Что касается процесса дезинтеграции, то здесь большой интерес представляют приводимые автором акрофонетические и акросиллабические образования в английском и французском языках (особенно в английском сленге и во французском арго). Весьма показательна в плане дезинтеграции слов история готского глагольного префикса *ga-*. В свое время М. М. Маковский провел монографическое исследование этого готского префикса [12] и обнаружил, что этот префикс не являлся грамматическим (видовым) показателем и использовался факультативно. В настоящей монографии автор развивает свою концепцию. По его мнению, *ga-* в готском исторически представляет собой осколок самостоятельного слова, ранее использовавшегося в качестве вспомогательного элемента в конструкции с другим (полнозначным) глаголом.

В целях изучения процесса интеграции и во второй главе рассматриваются случаи слияния индоевропейских корней, в частности, в пределах числительных первого десятка. Исследование проводится на основе словаря Ю. Покорного [13]. В ходе анализа М. М. Маковский строго следует не только известным фонетическим закономерностям, но и определенным семасиологическим переходам, некоторые из которых устанавливаются им впервые. Фонетические и семасиологические закономерности в построениях автора уравнивают и взаимно корректируют друг друга. Тем не менее автор считает обнаруженные им слияния корней гипотетичными. Он далек от мысли, что приводимые в работе амальгамы являются единственно возможными, и на ряде примеров показывает, что одна и та же амальгама может состоять из разных корней.

Во всех своих построениях М. М. Маковский исходит из тезиса Э. А. Макаева о динамическом [14] (а не статическом, как у Э. Бенвениста) характере индоевропейского корня. В соответствии с этим сложение и разложение корней является неотъемлемой формой существования и эволюции языковых единиц. В формулировке автора взаимодействие корней подчиняется следующим закономерностям:

«Не все корни (т. е. относительно ус-

тойчивые фонеморфологические комбинации) могут вступать друг с другом в реакцию в том или ином порядке следования. В некоторых случаях слияние корней ведет к возникновению у результирующих комбинаций запрета на дальнейшие реакции со всеми другими корнями или с какой-то частью корней, обладающих теми или иными качественно и/или количественно определенными свойствами или признаками. В других случаях, наоборот, слияние корней может привести к снятию запретов на соединение корней, ранее невозможное.... В индоевропейских языках обнаруживается весьма ограниченный инвентарь исходных корней, вступающих в реакцию и дающих все многообразие известных корневых комбинаций (речь идет о таких, например, корнях, как **bhāu-*, „schneiden“, **mai-*, „schneiden“, **geu-*, „biegen“, **rei-*, **reu-*, „reißen“, **lei-*, „biegen“, **leu-*, „schneiden“). Комбинация ограниченного числа корней дает и целую гамму значений, представленных в языке» (с. 129). В своей книге М. М. Маковский показывает, что одними из наиболее древних значений в индоевропейской были значения «бить, резать» и «гнуть». Так, на с. 36 приводятся 47 значений, восходящих к «гнуть», а на с. 37—39 даются 112 значений, производных от значения «резать».

Большое внимание уделяется в работе исследованию лингвистического времени. По определению М. М. Маковского, «лингвистическое время — это один из важнейших параметров существования языковых структур, неравно проявляющийся в развитии языковых континуумов в зависимости от их структурных свойств и действующих на них внутриязыковых и экстралингвистических факторов, ускоряя или замедляя эти процессы или нейтрализуя их» (с. 118). В работе установлен ряд закономерностей действия лингвистического времени и, в частности, обосновано понятие показателя стабильности. Значение этих закономерностей проистекает из того, что «возраст» языковых единиц чрезвычайно важен для понимания их сущности: характер ограничений и условия их снятия на различных этапах жизни языковых единиц неодинаковы, причем на более поздних этапах развития нередко повторяются закономерности, свойственные более ранним периодам.

В заключение следует особо подчеркнуть, что теоретические положения автора являются, как правило, всесторонне и глубоко аргументированными, ибо основываются на огромном фактическом материале из многих и -е. языков (в книге использованы примеры более чем из 100 древних и новых языков: см. с. 213—

214). При этом М. М. Маковский дает много оригинальных этимологий различных индоевропейских слов с привлечением фактов материальной культуры и мифопоэтической символики индоевропейцев. Ср., например, этимологии таких слов, как нем. *Blut* «кровь» (с. 80—82), русск. диалектн. *menatъ* «бить» (с. 75—77), англ. *broad* «широкий» (с. 77) и др. Вполне естественно (и это подчеркивает сам автор), что приводимые в книге этимологии являются не окончательными решениями, а лишь гипотезами, правда, подкрепленными большим фактическим материалом. Понятно, что при всей своей привлекательности гипотезы эти могут оказаться более или менее дискуссионными.

К сожалению, в книге имеются опечатки (на с. 15, 32, 80, 180 и др.) и допущен ряд неточностей. Так, на с. 3 приводится цитата из статьи В. И. Абаева «О фонетическом законе», напечатанной в сборнике «Язык и мышление» (т. I, М., 1933, с. 7—8), а ссылка дается на первый том «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаева. На с. 32 дана ссылка на «Этимологический словарь древнеисландского языка» Ф. Хольтхаузена, а в списке литературы этой работы нет. На с. 133 рассматриваются апеллятивы, соотносимые с числительным «три». К сожалению, здесь не приводится др.-инд. *stri* «женщина», которое, видимо, является парным словом, состоящим из **seu-* «рожать» и **trei-* «создавать, рождать» (ср. др.-англ. *teors* «membrum virile», лат. *industria*, др.-сев. *þroask* «расти» и др.). Можно было бы привести и русск. *торопиться* (типологически ср.: русск. *спешить* — *успех*; нем. *folgen* — *Erfolg* и др.).

Оценивая рецензируемую монографию М. М. Маковского в целом, нельзя не отметить, что, как и две предыдущие книги автора, принадлежащие к тому же циклу, она вносит весомый вклад в развитие общей лингвистической теории и в разработку конкретных этимологических, социолингвистических и лингво-исторических проблем. Особенно интересен фактический материал, подаваемый в нетрадиционном ракурсе. Можно надеяться, что данный труд найдет живой отклик у специалистов и будет способствовать решению философских проблем языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федюнина И. А. Акцентуация синонимических рядов имен существительных в русском языке (К проблеме корреляции звучания и значения в слове): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
2. Бодуэн де Куртене И. А. Очерк истории польского языка // Бодуэн де Куртене И. А. Избр. тр. по общему языкознанию. Т. II. М., 1963. С. 304—305.
3. Оглоблин А. К. Малайско-яванские языки, их строй и эволюция: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1988. С. 28—29.
4. Ермакова О. П. Словообразовательная цепь в семантическом аспекте // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.
5. Зубкова Л. Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка (К проблеме «произвольности» языкового знака) // ВЯ. 1986. № 5.
6. Зубкова Л. Г. Единство внутреннего и внешнего в звуковой форме слова // ФН. 1988. № 5.
7. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
8. Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.
9. Мельничук А. С. Этимологическое гнездо с корнем *vei-* в славянских и других индоевропейских языках. Киев, 1978.
10. Karstien H. Infixe im Indogermanischen. Heidelberg, 1972.
11. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.
12. Маковский М. М. Функции и значения глагольного префикса *ga-* в готском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
13. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
14. Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.

Зубкова Л. Г.